

К-181

А. П.

28778

В. СИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

И ЭТО ЕСТЬ

АВТОБИОГРАФИЯ

ПОЖАР ПУГАЧЕВС-
КИЙ. СТЕПАН РАЗИН.
ПАРОВОЗ ОКТЯБРЯ.
ВОРОТА ВОСТОКА.
ГИМН 40-ЛЕТНИМ
ЮНОШАМ. ЗАГЭСУ
И ВОЛХОВСТРОЮ.
СОЛНЦАЧИ. ОСЕНЬ
ЧЕРВОННАЯ. МАРШ
ПИОНЕРСКИЙ. ЛЕТ-
ЧИКИ - МОЛОДЧИКИ.
ТОПОР. САД АПЕЛЬ-
СИНОВЫЙ. ВЕСНА.
АЛЫЙ ЗВОН И ДР.

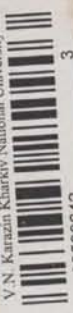
1

9

2

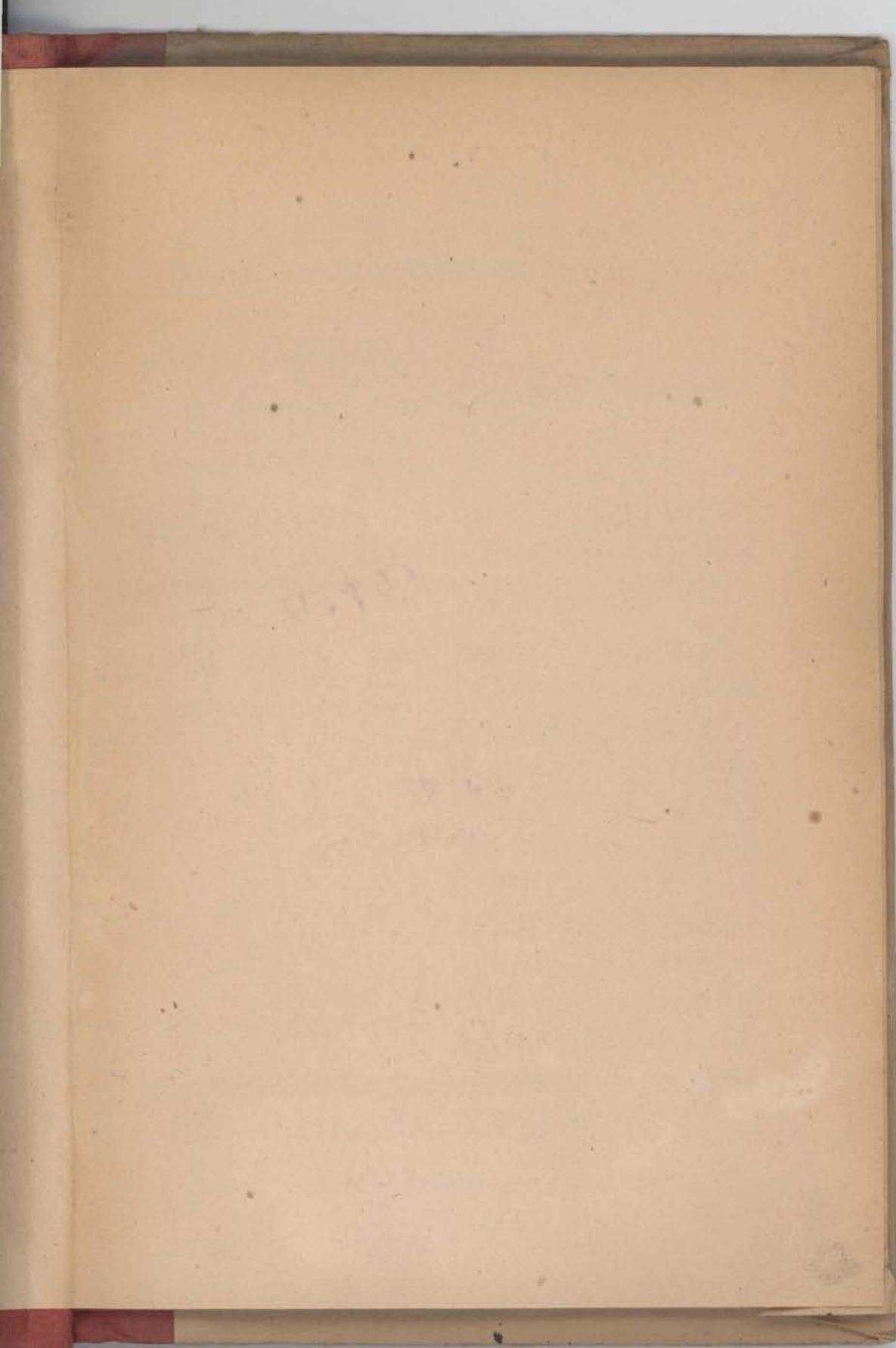
7

V.N. Karazin Kharkiv National University

00593642 3

PK-1

К-181-А.И. *изданий*

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

**АВТОБИО
ГРАФИЯ**

95
КАК Я ЖИЛ И ЖИВУ

ПОЭМЫ

ПОЖАР ПУГАЧЕВС-
КИЙ. СТЕПАН РАЗИН.
ПАРОВОЗ ОКТЯБРЯ.

СТИХИ

ВОРОТА ВОСТОКА.
ГИМН 40-ЛЕТНИМ
ЮНОШАМ. ЗАГЭСУ
И ВОЛХОВСТРОЮ.
СОЛНЦАЧИ. ОСЕНЬ
ЧЕРВОННАЯ. МАРШ
ПИОНЕРСКИЙ. ЛЕТ-
ЧИКИ - МОЛОДЧИКИ.
ТОПОР. САД АПЕЛЬ-
СИНОВЫЙ. ВЕСНА.
АЛЫЙ ЗВОН И ДР.

ПРОСМОТРЕНО
ЦНБ 1963

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХУ

28778

АКЦ. О-ВО „ЗАККНИГА“ 1927 Г.

58

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

Проверено
ЦНБ 1963

Проверено
ЦНБ 1963

№ 28778
19 17/04

Тифлис.

1-я типография

Полиграфтреста ВСНХ Грузии.

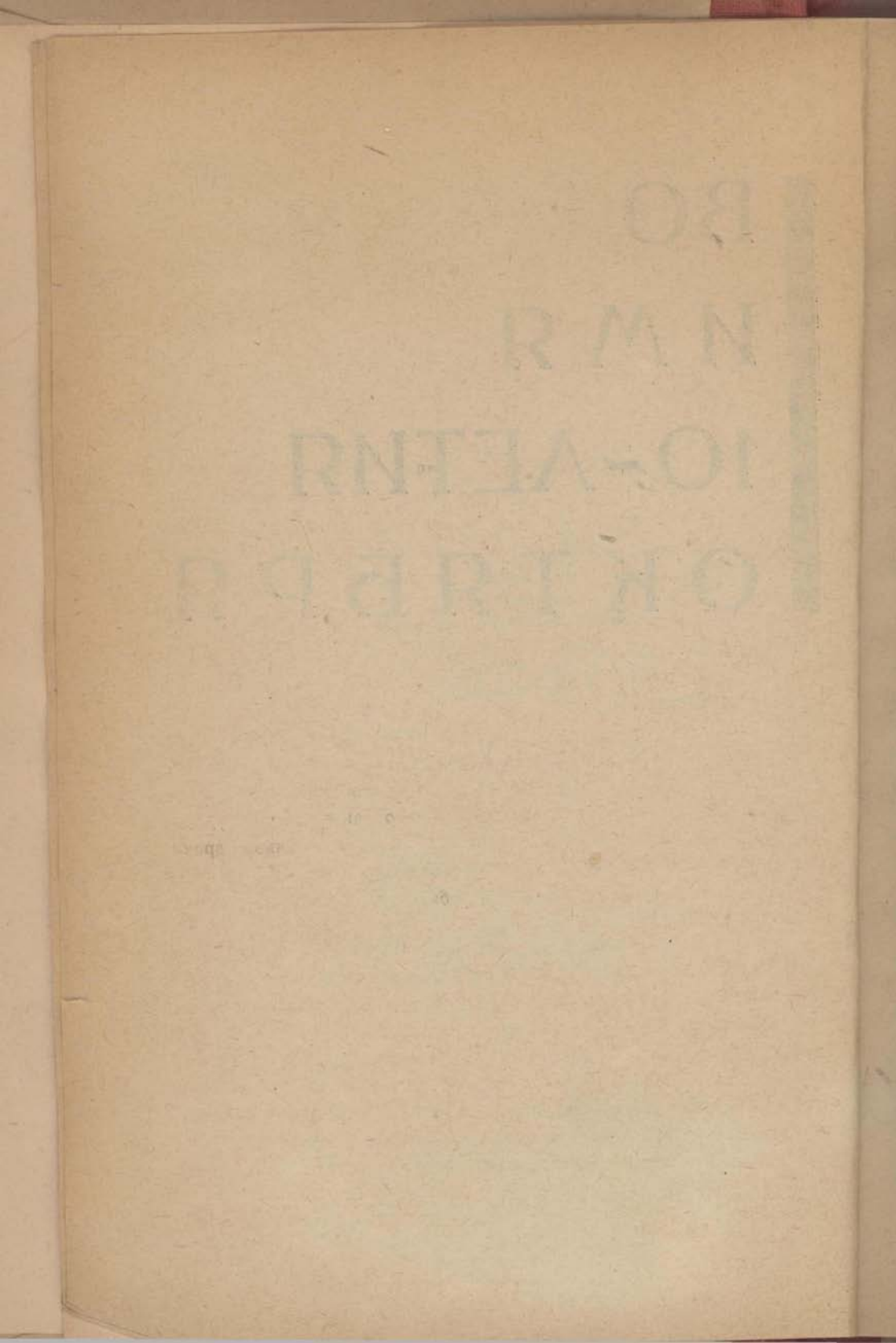
8/1 — 1927. Тир. 2000.

Заказ № 469.

Глав. № 52.

1927
1927

ВО
И М Я
10-ЛЕТΙΑ
О К Т Я Б Р Я

АВТОБИОГРАФИЯ

Родился 5 апреля 1884 г., на пароходе, на р. Каме, меж Пермью и Сарапулом. Отец служил смотрителем на золотых приисках, на Урале, в Теплой горе. Там жил до 4-х лет, когда (в один год) умерли мои родители. Круглого сироту, взяли меня в Пермь на воспитанье тетка (сестра матери) и дядя, который управлял громадным пароходством Любимова.

Все детство прошло в доме на камской пристани среди пароходов, барж, плотов, лодок, крючников, матросов, вололизов, капитанов. Друзьями детства были: Алеша, двоюродный брат, наши собаки и рыбы. Учился в городских школах с 7 лет. Едва научившись читать, взялся за книги. 8-ми лет знал Пушкина, Лермонтова, Гоголя. 11-ти лет писал стихи о сиротской доле, о горестях человеческих. Учился лениво, ибо занимался птицеводством, рыбатством, голубями, собаками, лыжами, чтением, драками с окружающими слудскими головозяпами — воришками. Раз пять тонул на Каме и за это ее любил.

16-летним я поступил конторщиком на Пермскую жел. дор., т. к. дядя мой умер. 17-ти лет начал писать в „Перм. Крае“ статьи о народных столовых, об эксплуатации труда маленьких, безответных людей. 18-ти увлекся театром. 19-ти бросил службу, уехал в Москву, стал актером. Играл в Севастополе, Тамбове, Кременчуге и Николаеве, — где работал в труппе Вс. Эм. Мейерхольда. В этом Николаеве волею обстоятельств я жил (у приятеля) в бюро похоронных процессий и спал в сторублевом дубовом гробу, на складе. Было страшновато, но уютно. Тогда Мейер-

хольд посоветывал мне бросить сцену, ибо видел во мне больше литератора. Я послушался. Бросил. И случайным маневром попал в Константинополь, а потом уехал на Урал, в Нижне-Тагильские заводы, где на товарной станции служил таксировщиком и тогда же в 1904 г., начал печатать гражданские стихи в газете „Урал“, в Екатеринбурге.

В 1905 году я был избран делегатом на 1-й съезд жел.-дор. союза. И все время забастовки состоял председателем забастовочного комитета громадного Уральского района от Бисера до Екатеринбурга. Зимой был арестован и посажен в одиночное заключение николаевской тюрьмы, Верхотурского уезда. Освобожден летом 1906 г. Осенью поступил на высшие сельско-хозяйственные курсы в Петербурге. Избрали старостой студенчества.

В 1908 г. устроился секретарем редакции журнала „Весна“ Н. Шебуева. Познакомился с Леонидом Андреевым, Куприным, А. Блоком, Ремизовым, Сологубом. Встретился и подружился с художником Давидом Бурлюком. Занимался в студии Бурлюка живописью. Выставлял свои картины на левых выставках. Много работал по литературе под мудрым руководством великолепного мастера-знатока искусства Д. Бурлюка. Близко подружился с Борисом Григорьевым и Н. Н. Евреиновым.

В 1909 г. написал первый роман „Землянка“. В этом же году женился на пермской уроженке А. В. Юговой. Взялся за авиацию. Уехал в Германию, Англию, Францию, где летал на аэропланах. Побывал в Италии, Австрии. Вернувшись в Россию сдал (в Варшаве) экзамен на летчика. Приобрел свой аппарат. Летал в городах Польши. В Ченстохове (в 1911 г.) разбился в грозу, едва спасся. В 1910 г. в Петербурге вместе с Д. Бурлюком, Хлебниковым, Е. Гуро основали ядро футуризма—первую книгу „Садок Судей“. В Москве присоединился к нашей группе Владимир Маяковский. И еще—А. Крученых.

В 1912 г. основал жизнь на хуторе Каменке, в 40 верстах от Перми. Первое время сам пахал, много возился с постройками

и коровами, а потом скоро занялся исключительно нивой литературной, не покидая, однако, любимого деревенского гнезда Каменки (и до ныне живу там по летам), где за крестьянство взялся брат Алексей, с женой. Три дела полюбил я: литературу, охоту и рыболовство.

В 1913 г. мы—три главаря нового движения искусства, предварительно выпустив ряд своих книг, поехали (Д. Д. Бурлюк, В. В. Маяковский, В. В. Каменский) в турне по городам России, революционизируя умы и сердца молодежи, читая доклады и стихи. Тогда с особенным успехом я читал отрывки из „Степана Разина“, который был закончен в 1914 г. и в 1915 г. издан. За это время мной выпущено несколько книг. С этой поры, т. е. с 1913 г., я лично не переставал всюду выступать с лекциями и стихами, раз'езжая по городам и заводам.

Перед самым началом февральской революции я находился в Тифлисе. Почуввав „свободу“, угнал в Москву,—там сразу развернулся, как поэт бунта. В Москве встретил и революцию Октября, с первых же дней активно встав, на путь власти Советов, ибо видел в этой пролетарской революции социальную правду, возведенную В. И. Лениным. В первую годовщину Октябрьской Революции, в Москве, и всюду в провинции, шла моя пьеса „Степан Разин“. Дальше я, как поэт, работал во славу великих завоеваний Октября.

В 1919 г., выступая в качестве дулы-работника в южной красной армии, попал к белым и был, как „страшный большевик“ засажен в белогвардейскую тюрьму, в Ялте. После прихода в Крым красных уехал на Кавказ.

В 1921 г. я уже путешествовал по берегам Сев. Ледовитого океана. В Мурманске от моряков получил в подарок за стихи сигнальный флаг. Потом раз'езжал, как всегда, по СССР с лекциями и стихами. Выпустил несколько книг. Зимняя база—Москва, летняя—Каменка, в деревне Перм. губ. С осени 1924 г. уехал в Сибирь—до Владивостока, выступая во всех сибирских

городах с докладами и вступительными речами перед моими пьесами „Емельян Пугачев“, „Пушкин и Дантес“.

Вообще за этот последний период в Москве и Ленинграде прошли мои пьесы: „Степан Разин“ (театр Революции), „Здесь славят разум“ (театр Корша и „Вольная комедия“), „Золотая банда“, „Роковая наездница“ (Замоскворецкий) и „Пушкин и Дантес“ (б. Александринский, 1926).

В конце 1925 г. женился на А. А. Касторской, дочери популярного вокального композитора-хормейстера А. В. Касторского. Жена — талантливая пианистка-певица, — помогает мне в моих непрерывных выступлениях в вечерах искусства. Подобно перелетным птицам, всюду мы несем свои песни во имя сияющего строительства пролетарского Союза.

Конец 1926 г. мы, появившись с Урала, встретили в Баку, где в течении одного месяца выступили 23 раза, главным образом — в рабочих клубах. И вот теперь — в Тифлисе. Мечтаю поехать в Нью-Йорк, где желают поставить (на англ. яз.) „Степана Разина“ и еще другие мои пьесы. Вообще меня нестерпимо влечет путешествовать. Но особенно тянет в Индию, в Австралию, на Камчатку и даже на Луну: когда пустят туда первый снаряд — ракету, я попрошусь в качестве первого корреспондента от Земли.

Но больше всего люблю мать — природу.

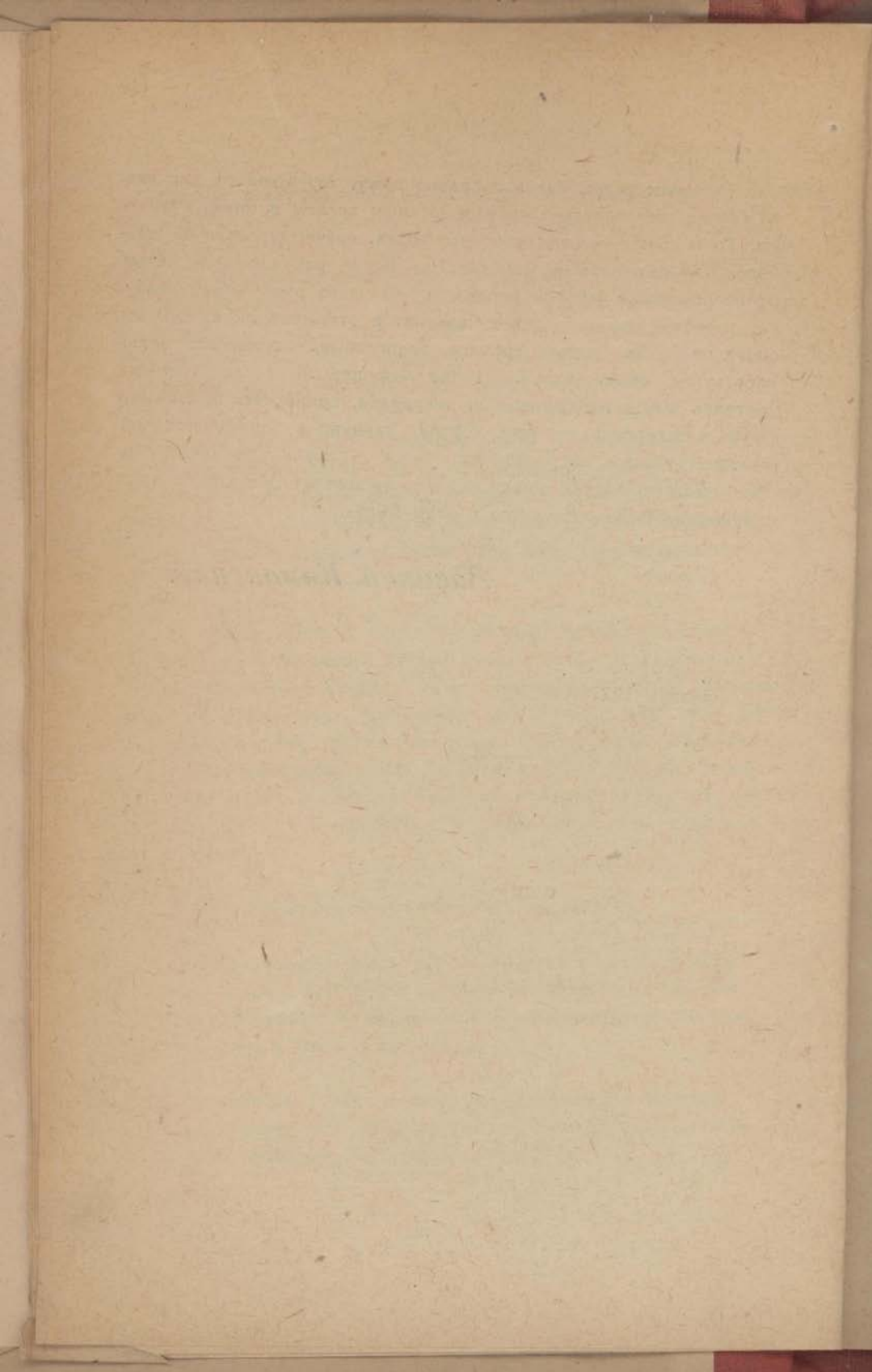
Неизменно каждое лето я живу на Каменке, в лесной пермской глуши. Там много работаю по литературе. И еще больше брожу с ружьем по родным дебрям, часто ночуя под елями и пихтами, или в избах у крестьян.

Славно, сочно живется на деревенской Каменке: кругом поля, горные леса, луга, коровы, лошади, барашки, птица разная и около любимые охотничьи четыре собаки.

Конечно, и рыбачить исправно хожу: через день у нас уха. А в доме всегда пахнет свежим ржаным хлебом и моими стихами. То и другое—плоды упорного труда, подчас сурового и нервного, напряженного и пламенного. Долог рабочий день летом, преисполненный забот и усталости. Но едва рано утром разбудят песнями птицы и солнце зазвенит в открытые окна,—мы все снова на ногах, бодрые, крепкие, энергичные, готовые для новой работы на общее благо. И так это приятно после утреннего завтрака выйти на крыльцо и, покуривая, приласкать прыгающих собак и похлопать по шее корову, пахнущую парным молоком. В этот утренний час я обычно ухожу в гору и там пишу—читаю—работаю в тени сосновой, пока не позовут обедать. И я иду с приятным аппетитом, чего и всем желаю.

Василий Каменский.

Тифлис.
Январь 1927 г.

ПОЖАР ПУГАЧЕВСКИЙ

Черная чортова ночь
Багровеет окровавленным заревом.
Дымно. Ой, горячо!

Ой!

Ишь во всю силушку мочь
Жарит жаркое жариво
Сам Пугачев.

Жарь!

Пали!

Раз'езжает на коне вороном.
Посвистывает весело репел.
Покрикивает задорно:

Жги, ребята,

Помещичий дом,

И развей его пепел
Во все стороны.

Жарь!

Пали!

Раз'езжает на коне вороном,
Подкашливает: Кхе-кхе...

Знай раскатывай

Бревно за бревном,

Пока кровь на лихе.

Ох, и паздырнем!

Ну, крепостные, если вы босы,
Берите-ко вилы да косы.
Сила крестьянская,
Нам помоги.
Пойдем добывать сапоги.
Эй, голуби!
Пойдем что ли?!

Хо-хо-хо! Дождались поры,
Хватай топоры,
Колья, вилы, дубины.
Правь именины.
Запевай — затевай.

Ой, да ой ее.
Да ты не тронь ее,
Не тронь долю жгучую,
А ты тронь того,
Кто нас мучает!
И — эхх!

Не робей,
Воробей,
Знай — насакивай, бей!
Всех помещичков,
Всех дворянчичков
Ты разбей — перебей,
Воробей.

Жар.
Дым.
Гарь.
Огонь.

Бегут

мужики

за дубинами.

А конь, вороной его конь,
Так и блещет глазами — рубинами.

Не страшится конь

Вражьих погонь,

Ни ружья, ни нова — меча.

Знает конь, вороной его конь,

Своего Емельяна Иваныча.

Ишь ты, игривый,

Смолевая грива.

Стой!

Прррр.

В ненастную ночь

Или полдень горячий,

В степи иль Уральских горах

Буйным ветром --

Порывом проскачет

И будет первым в победных пирах.

Вот он какой —

Этот конь боевой.

Стой!

Прррр.

Жар. Дым.

Пламя пышет.

Ветер хлеще.

Пепел глуше.

Суматоха.

Крик хмельной.

Искры стелет пеленой.

У пылающих ворот

Пьяный крепостной поет:

Эхх, уйди, не застуй.

Огонь жри, уминай, —

Возьму топор я, заступ,

Прощай, не поминай.

Загудела полоса.

Молодые голоса:

Мы ли да не пахали,

Мы ли да не терпели?

Али

По спинам березы да ели

Не гуляли в самом-деле.

Нам ли

Землицы

Не следует?

Держись, люд, за Емельку, —

Получай земельку.

Ой, земля, земелюшка!

Помоги, Емелюшка.

Помоги.

Ну, ребятаушки, тепло ли

У господских у хсром?

Тут, где нас кнутом порөли

Разжились мы вдруг добром.

Разжирели.

Распожарились.

Сбухты — барахты,
Охотками
Тарарах ты, —
Поешьте-ко:

За здоровье Расеи
Сжарили помещщиков,
Как карасей.
Будет им пить да есть,
Да нас лупить. Месть.
Месть им,
Месть!

Пожар — в разгаре.
Люди — в угаре.
Воля — в ударе.
Берегитесь, баре:

По почину Пугача
Начинаем мы с плеча.

Тррахх —
Тарарахх!

Ой, мамоньки, что делаем
И сами не знаем:

Будет стужа —
Станет хуже,
А пока тепло-светло
Засупонивай потуже, —
Наше дело —
Конь. Седло.

Айда!
Гей!
Эй!

Поехали — так прраз'ехались!

Не остановишь!

Жарь!

Грей коня!

Эх, широки дворянские окрестности.

Идет мужицкая гроза.

Нам довольно крест нести.

Жги.

Бунтуйся.

Бей.

Кромсай.

Эй, люд!

Бабы!

Дети!

Крепостные!

Деревенские!

Лесные!

Весь обиженный народ,

Собирайся в злой поход!

Шуми!

Галди!

Надо в матушку — Расеюшку

Насовать нам Пугачей,

Чтоб крестьянскую затеюшку

Разуважить пошибчей!

Не жизнь — малина.

Не деньки — а пряники.

Ешь!

Не хочу.

Ишь ты.
Будь ты.
Да подь ты.

Чаи — сухари
Едят комары.
Комары — комарики, —
Господа — сударики.

А ты дергай,
дергай,
дергай.

Арымар — хары-мар
Перегары — бар-быр.
Шпарь-да, жги-да,
Жарь-да, жри-да.
И — эхыча да эхыча,
Приехал ча да ча.
Запевай.

Ой да ой ее.
Да ты не тронь ее,
Не тронь долю жгучую.
А ты тронь того,
Кто нас мучает.
И эхх!

1924

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

ПАРОВОЗ ОКТЯБРЯ

ПЕСНЯ РАБОЧИХ

Мускулы у нас — железные,
Сок — жизнедатной лозы.
Работнички полезные
Мы строим паровозы.

И видим результат труда —
Стального интереса, —
Как превращается руда
В двигатель прогресса.

Мы очарованы борьбой:
Социализм воочию
Завоевали всей гурьбой
Затеюшку рабочую.

На, возьми! Борцы ядреные
Не боялись злой угрозы, —
А теперь на век мудреные
Строим паровозы.

Солнцем души серебра,
Наши силы льются:
Паровозы Октября
Гоним Революции.

Дашь работу! По Ноту!

ЗАКЛЕПКИ И ГАЙКИ

Мы заклепочки — заклепы
Все сознательно живем:
У нас цепкие заботы —
Мы листы стальные шьем:
Клеп — клеп

Клеп — клеп

Клеп — клеп.

А я — гайка-завертайка
Завертаю винт в борьбе.
Паровозик, отгадай-ка,
Что желаю я тебе?

Ты скажи мне: ну-ко, гайка,
Нам работу надо гнать.
Ты давай-ка, помогай-ка,
И я буду помогать:
Гай-гай,

Гай-гай,

Помогай.

Кррр...

УГОЛЬ КАМЕННЫЙ

Мы, — уголь каменный,
Рожая жар,
Разносим искры.
В приют твой пламенный
Нас кочегар
Бросает быстро.

Мы, — уголь каменный,
Глубокий пласт
Земли — зари.
На красном знамени
Искрится глаз
И говорит: гори.

Мы, — уголь каменный,
Мы слышим в празднике
Колес шаги:
На зов твой праведный
Пришли чумазники, —
Бери нас, жги.

Ш П А Л Ы

Пролетарские амбалы
Наши массы — впереди.
Все мы, вкопанные шпалы,
Держим рельсы на груди.
Шпалы — шпалы,
Шпалы — шпалы,
Шпалы — шпалы,
Шпалы — Мы.

Прочно путь умеем штопать, —
Миллионы всюду шпал.
Прискакали мы на копыт
Посмотреть на алый бал.
Шпалы — шпалы,
Шпалы — шпалы,
Шпалы — шпалы,
Шпалы — Мы.

Густо путь усеян нами.
И на благо всем семьей
Развернулись мы волнами,
Окружили шар земной.
Шпалы — шпалы,
Шпалы — шпалы,
Шпалы — шпалы,
Шпалы — Мы.

Средь болот, степей и леса
Мы, — как красная звезда,
Стали ребрами прогресса,
Пропуская поезда.
Шпалы — шпалы,
Шпалы — шпалы,
Шпалы — шпалы,
Шпалы — Мы.

МАШИНИСТ

Я — машинист паровоза Союза,
Я — капитан корабля „Социал“
Навезу всем энергии — груза,
Чтобы каждый в Союзе сиял.

Вы смотрите: стихийно кругом
Мы живем на заре жизнедательства, —
Это наш — солнцeveющий дом
С золотыми воротами братства.

Голубейтесь глаза на дороге идей:
У нас руки стальные и ноги, —
Мы раскинули сад первоцветных затей,
И живем, как железные боги:

Вдруг размахнемся, — вырастет стая
Паровозов — авто-лебедей.
Вдруг размахнемся! И завтра, блистая,
Выйдет эскадра морских кораблей.

Вдруг пожелаем! И на площадь Труда
Воздвигнем строений монбланы.
Вдруг пожелаем! И примчатся туда
На митинг аэропланы.

Что нам еще? Целый мир в нашей власти, —
Легенда из алых, зывающих роз.
Строй и крепи свои жильные снасти.
Радио! Тракторы! Жизнь — Паровоз!

Все — с нами и в нас. Ребра — шпалы из кедра.
Нервы — рельсы. Кровь — карусель,
Недра духа — земли красной недра.
Все — единое сердце. Все — единая цель.

Солнцем души серебра,
Наши силы льются:
Паровозы Октября
Гоним Революции.

СТЕНЬКА РАЗИН

В день июньский
Да солнечно-ясный
На площади Красной
Москвы

Царские палачи
Царского стана
Зарубили Степана.
Палачи!

И не стало великих очей.
Говорят, что грачи
Кричали тринадцать ночей:

Степан —

Разин —

Бурлацкое —

Сердце. —

Эх, Степан...

Но грянет день!
С колоколен московских
Нам возвестие громко пробьют:
Это там, на горах Жигулевских
Стеньке Разину память вспоют.

Будет день!
Станут люди все — други,
Как сольется живая сокольница —
Дружно вспомнятся Стенькины струги
И вся понизовая вольница.

А сегодня, когда молодецкая
Наша жизнь океанским крылом
Разлилась

Просто

Чудо — простецкая,
Все летим на великий пролом.

И сегодня, в полете волнений,
Вспоминая Степана привычку,
Станем праздновать тризну гонений,
Распевая: Сарынь на кичку.

Сарынь на кичку!
Ядреный лапоть
Пошел шататься по берегам.
Сарынь на кичку!
В Казань! В Саратов!
В дружину дружную на перекличку
На лихо лишнее врагам.
Сарынь на кичку!
Ббоченок с брагой
Мы разопьем у трех костров
И на приволье волжском вагой
Зарядим пир у островов.

Сарынь на кичку!
Ядреный лапоть!
Чеши затылок у подлеца:
Зачнем с низовья
Хватать,
Царапать,
И шкуру драть — парчу с купца!

Сарынь на кичку!
Кистень за пояс!
В башке зудит разгул до дна!
Свисти! Глуши!
Зевай! Раздайся!
Слепая стерва, не попадайся! Нна!

Станем сердцем заклятвенным биться
За раздольную долю.
А ежели пить — никогда не напиться
За бурлацкую волю.

Дни настали огневейные, —
Расступитесь небеса,
Славьте песни солнцелейные,
Раздувайте паруса.

Мир приволен и чудесен.
День — для счастья дня.
Больше песен,
песен,
песен,
Сердца и огня.

Надо гуще дружбы — братства
На едину сторону:
Все дела и все богатства
Мы разделим поровну.

Станем помнить солнце — Стеньку
Мы — от кости Стеньки кость.
И, пока горяч, кистень куй,
Чтоб звенела молодость!

Раскудряво песни льются
Молодецкою порой.
Кудри сами разовьются, —
Только шире рот открой.

Ну, и настало же времячко
Строить судьбинушку сущую.
Захвачу завтра бревен беремячко
Да построю избу ядренущую.

Место выберу в горах, где повыше,
Чтобы веселому, здоровому стать.
Нары поставлю прямо на крыше
И буду под небом засыпать.

Вообще — надо круто раздолиться.
Волга — долгая.
Жизнь — коротка.
И каждый, в ком Разин задорится,
Разом поймет батрака,

У кого трудовая рука —
Куда с радости кинется —
Стала на веки-века именинница!

Весело! Вольно! И молодо!
Все Мир Новый рожаем.
С солнца червонное золото
Падает урожаем.

Звеним!

Торжествуем!

Беспечны!

Будто дети — великие дети, —
У кого сердца человечесны,
А глаза на весеннем расцвете.

Так будем жить, создавать, вспоминая
Эту песню мою бирюзовую —
В дни чудесного, волжского мая —
Долю Разина, быть понизовую.

ВОЛХОВСТРОЮ И ЗАГЭСУ

ЭЛЕКТРИЧЕСТВУЕМ!

Мы живем в дни развернувшейся прити
Ощущенья космических свойств
Электродарии.

Это — первой железной спайки событий
Ряды солнцееющих войск —
Пролетарии —

Осуществляют научный марксизм
Миростроя.

И нам, пестрым нациям, сизым
Потомкам испытанных рас,
Самое простое

И вольномудрое —
Устроиться раз

И на веки по общему плану
Организованных масс.

Ясно.

Величественно.

Достижимо.

Начинайте улыбаться Монблану:
Ради электрического режима
Решили на вершине Союза зажечь
Фонарь в 3 миллиона свеч.
На! свети, на окружность
Всего человечества.

Свети!

Человечь!

С И Я Й!

Электроискры пронзили вселенную
Электротворчеством вольт,
Непрерывностью тока.
Песню взяли, как в плен, мою
Песню — раздоль
Вихревого истока,
И понесли электронно
Сквозь извилины мозга
Социального фронта
От Запада до Востока.

Сияй!

Сияй!

Сияй!

Электровзвейностью разом
В высоту беспредельной лазури
Света жаждущих лиц
Мы из Красных столиц
Над миром зажигаем Разум —

Гори!

Гори!

Гори!

Это мы в кумачовую сласть —
Яркоцветных лугов сенокосцы —
Забираем Человечества власть:
Потому что все мы —
С-о-л-н-ц-е-н-о-с-ц-ы!

В Е Р И М!

Вам,
Загэсы и Волховстрои,
Первые Социализма двери
В жизнь светоносного строя
Верим!
Верим!

Сылы строительства,
Сылы энергии
Утроим!
Утроим!
Утроим!

Т О П О Р

В глухом лесу стучит топор,
В глухом, большом лесу.
С недавних, лишь советских пор
Здесь люди жизнь несут.

Руби, топор,

Руби — руби.

Звени и строй. Труби.

Звенит топор весь день — денской.
Идет в деревне стройка.
Несется шум. Язык людской
Бубнит, как мчится тройка.

Руби, топор,

Руби — руби,

Звени и строй. Труби.

Поет топор. По бревнам гул.
И песнь его ясна:
Пришел черед, пришел разгул —
Строительства весна.

Руби, топор,

Руби — руби.

Звени и строй. Труби.

Зовет топор: руби, чеши,
Ты строй за домом дом.
Пускай бедны мы — малыши,
Мы вырастем потом.

Руби, топор,

Руби — руби,

Звени и строй. Труби.

Пришла в советский новый бор
Счастливая пора!
Так говорит, рубя топор,
Растет где изб гора.

Руби, топор,

Руби — руби,

Звени и строй. Труби.

ГО
РОД
26
ВОРОТА ВОСТОКА

Опять в Баку!
Опять в Азербайджане!
Опять я на любимом берегу.
Жизнь хороша!
Вновь полон
Солнечных дрожаний
Я песню чую, стерегу.
Поет душа.

Здесь город **26**-ти
Ворота пролетарского Востока, —
Отсюда должно свет нести
И знамя алое от
ЛЕНИНА-ИСТОКА.

Глаза из Персии,
из Индии,
Афганистана,
Усталые глаза забитых масс,
Сюда в Баку,
из пламенного стана,
Сюда глядят в тяжелый час.

Здесь их надежда —
светлая заря —
И путь по ленинскому следу:
Здесь только можно,
жизнь творя,
Найти им верную победу.

Сюда — дорога солнцеликая,
Где спаян весь рабочий круг,
Где армия труда великая
Простерла
море
братских
рук.

Простерла с радостью бурливо,
Как волны Каспия,
широкостью блестя,
Призывным
единеньем говорливо,
Готова встречу будущим гостям.

А тех гостей Востока —

МИЛЛИОНЫ,

Желанье чье

созрело расцвести, —

Понять социалистическое лоно —

Бакинский

город **26** -ти.

Не в этом ли преддверии широком
Железный смысл

Строительства Баку.

Не в этом ли

Сознании глубоком

Сюда собратья притекут.

Года идут...

И этот город скоро

Возвысится

вершиной

в облака

И будет пролетарскою опорой

Велик

И славен

На века.

Года идут...

И каждый

шаг —

ступень

По лестнице
Сияющего
года.
Да здравствует желанный день
Ворот
Восточного
Народа.

Не перестанет жизнь расти
В борьбе
потоком
жгучим

Как дело

26-ти

Бессмертным будет
И мгучим.

Опять в Баку!
Опять в Азербайджане!
Опять я на любимом берегу.

Поет душа.

И эту песню в гимне ожиданий
Я в сердце гордо стерегу,
Волнением дыша.

Баку.
Декабрь 1926.

АЛЫЙ ЗВОН

Волна за волной,
Воздымая хребет,
Образует 10 й вал.
Он бурлит целиной,
И гремит,
И гребет,
И на новый зовет перевал.

Год от году и мы
На пороге зимы
Октябрем Всесоюзным об'яты,
Всей горой
Идем в строй, —
Этот вал
Образуя десятый.

СССР — знамя.
СССР — с нами.
СССР — спаян и ал.
Флагов дыханье.
Лент Колыханье.
Песни в 10-й вал—
Лейся
ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Грудь широка.

Масса — река.

Наш океан — без берегов.

Каждый гори,

Зажигай фонари,

Каждый ори:

Каждый

всегда

готов!

Все — грудь за грудью!

Гимн многотрудью.

Кровь в ЭТИ ДНИ

горяча.

Праздник воочию, —

Сила рабочая

Славит

Завет

ИЛЬИЧА.

Путь пионера,

Путь комсомольца

И путь партийца —

В труде и в бою.

Во имя примера

Надо раздолиться,

Надо помнить

ПОБЕДУ СВОЮ.

Китаец — бедняк,
И английский горняк,
И всякий товарищ далекий, —
ВСЕ С НАМИ:

В море борьбы
Капитала рабы
К нам бегут,
Как волна
за волнами.

А волна за волной,
Воздымая хребет,
Образует 10-й вал, —
Он бурлит целиной
И гремит,
И гребет,
И на НОВЫЙ зовет перевал.

ЛЕТЧИКИ-МОЛОДЧИКИ

Сознайтесь!
Разве сегодня
 не каждый из нас
За спиной чует алые крылья?
Разве сегодня
 провидящий глаз
Не видит, что мчит эскадрилья,
Что за стаей
 летящая
 стая,
От солнца и счастья блистая,
Переливную
 песню
 поет
 понизовую
Да зовет
 в высоту
 бирюзовую?

Это — лебеди,
Лебеди снежные,
Это туча серебряных лебедей:
Это наша юность нежная,
Искрометная, мятежная, —
Крылья будущих людей.

Сознайтесь!
Разве это не скоро станет,
Или в Труд мы не верим,
Что в ликующем стане
Аэропланная жизнь
Распахнет свои двери?

И взовьются молодчики,
Наши красные легчики,
На простор молодчества,
В океан человечества.

В ширь и глубь!
В бесконечность размашную
Знай лети,
Где была-не-была!
Так мы волю свою
 бесшабашную
На кумачевом пути
Колоколим
 в колокола!

И увидят:
 деревни,
 города
 и леса;

И увидят:
 заводы,
 тайга
 и болота,
Какие творит чудеса
Академия Воздушного Флота.

Сознайтесь !

Разве в сердцах наших мало огня,
Разве не рвется душа в безграницу.
Пролетарий сегодня слезает с коня,
Чтобы вдруг пересестъ
На воздушную птицу.

Эту птицу, как дивный пример,
Нам сконструирует,
 юный,
 прекрасный,
Красный
 Авио - инженер.

И это будет в полетный
Решительно - ясный
Крыловеющий день.

И взовьются молодчики,
Наши красные летчики,
На простор молодчества,
В океан человечества.

СОЛНЦАЧИ

Стая славных, солнцeveющих —
Хор весенних голосов —
На ступенях дней алеющих
Наши зовы — гимн лесов.

Зовью зовной,
Перезовной,
Изумрудью в изумрудь,
Бирюзовью бирюзовной
Раскрыляем свою грудь.

На! Звени!
Сияй нечаянная
Радость солнечной земли —
Наша воля — даль отчаянная
Гонит бурно корабли.

Шире! Глубже!
Выше! Ярче!
В океане голоса.

Чайки, рыбы, волны, ветер,
Песни, снасти, паруса.

С нами — все.
И все — за нами.

Стаю славных не бросай!
Эй, держи на руль,
 На взвейность,
 На прямик,
 На красный путь,

 Чтоб игруль,
 Чтоб огнелейность,
 Чтобы все твердили: Будь!
 Существуй!
 Живи! Раздайся!

Слушай наши голоса:
Это — горы, звезды, люди,
Это — птицы и леса.

Мы поем —
И ты пой с нами.
Мы кричим —
И ты кричи.

Все мы стали песней. Знамя:
Утровые СОЛНЦАЧИ.

Наше дело — всеединое —
Все дороженьки ясны.
Будто стая лебединая
Мы из крыльев и весны

Наш прилет —
Раздоль звучальная,
А глаза, как бирюза.

Жизнь раскачена встречальная.
Создавай! Гори! Дерзай!

Я бросаю слово:
ЮНОСТЬ!
Я ловлю, как мяч:
СИЯРЧ!
Славлю струны:
СЛОВОСТРУЙНОСТЬ!
И кую железо:
ЖАРЧ!

Словом — в слово!
В словобойне
Хватит быстрых искр искр.

Словом — в слово!
Все мы — знойны
В дни, когда куется диск —
К жизни новой,
Кумачевой,
К солнцу, к сердцу кровный риск.

Наше дело всеединое —
Все дороженьки ясны.
Будто стая лебединая
Мы из крыльев и весны.

ГИМН 40-ЛЕТНИМ ЮНОШАМ

Мы в 40 лет —
тра-та —

Живем, как дети:
Фантазии и кружева
У нас в глазах.

Мы все еще —
тра-та
та-та —

В сияющем расцвете
Живем три четверти
На конструктивных небесах.
В душе без пояса,
С заломленной фуражкой,
Прищелкивая языком,
Работаем,
Свистим.

И ухаем до штата Иллинойса.
И этот штат
Как будто нам знаком
По детской географии за пряжкой.

Мы в 40 лет —
бам-бум —

Веселые ребята:

С опасностями наобум

Шалим с судьбой — огнем.

Куда и где нас не запрятай, —

Мы все-равно не пропадем.

Нам молодость

Дана была не даром

И не зря была нам дорога:

Мы ее схватили за рога

И разожгли отчаянным пожаром.

Нна!

Ххо!

Да!

Наделали делов!

Заворотили кашу

Всяческих затей.

Вздыбили на дыбы

Расею нашу.

Ешь!

Пей!

Смотри!

И удивляйся!

Вчерашние рабы —

Сегодня все —

Вз'ерошенный репей.

Эй, хабарда!

На головах, на четвереньках,

На стертых животах ползем.

С гармошкой в наших деревеньках

Вывозим на поля назем.

Фарабанста!

Мы в 40 лет —
ой-ой!

Совсем еще мальчишки:
И девки все от нас
Спасаются гурьбой,
Чтоб не нарваться в зной,
На буйные излишки.
Ну, берегись!

Куда девать нам силы, —
Волнует кровь
Стихийный искромет:
Медведю в бок, шутя,
Втыкаем вилы,
Не зная куда деть
40-летний мед!

Мы,
Право же, совсем молокососы.
Мы учимся,
Как надо с толком жить,
Как разрешать хозяйские вопросы:
Полезней кто — тюлени аль моржи.

С воображеньем
Мы способны
Верхом носится на метле
Без всякого резона.
И мы читаем в 40 лет
В картинках Робинзона.

И это наше ДЕТСТВО — прелесть!

И это наше счастье — рай.

Да! В этом наш Апрель есть.

Весна в цветах —

Кувиркайся!

Играй!

Эль-ля!

Эль-ле!

Милента!

Взвей на вольность!

Лети на всех раздутых парусах, —

Ты встретишь впереди

Таких же,

У кого

фантазии,

конструкции

в глазах.

Эль-ля!

Эль-ле!

Мы в 40 лет —

ЮНЦАИ —

Вертим футбол,

хоккей,

плюс абордаж.

А наши языки

Поют такие бой — бряцаи, —

Жизнь

за которые

отдашь!

Эль-ля!

Эль-ле!

1924

ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧ.
БИБЛИОТЕКА

ОСЕНЬ ЧЕРВОННАЯ

Осень !

Звени золотыми червонцами
В осинах,
в березах,
в траве
и в лесу.

Нынче богаты мы
красными солнцами, —

Вот я

ОХАПКУ ВОСТОРГОВ
несу.

Ешьте их,

пейте их,
жадно ловите,

Будьте

в восторгах от жизни,
хоть тресни.

В таком вот,

как ветер,
летающем виде

Вместе со мной

ухайте песни.

Мне 42 года,
а я чорт возьми,
Возношу
голоштанную гольню
И со всех своих
этажей
восьми
Рраскачиваю
колокольню.

Так, мол,
и так,
и этак, мол, можно,
Раз мы
САМИ
затей слесаря.

Это нам, значит,
по чину положено
Вертеть вола по чем зря.

А вертеть, так вертеть,
Знай, наворачивай,
Ежели времячко
горячее,
нервное.

Я по характеру, —
ребенок дурачливый,
А на счет
головы —
ДЕЛО ВЕРНОЕ.

Впрочем,
 так каждый из нас,
 голоштанников,
Затягиваясь махоркой в пивной,
Знает меру узды хулиганников,
Разве
 лишку
 дернет
 иной.
Раз как-то мы
 опустошали литры...
Ах, я и
 ЗАБЫЛ,
 что начал:
 про осень,
 про листья,
 про „виют витры“, —
Вот
 до чего я ЮН и несносен!

Уж, кажется,
 довольно:
 минуло 42.
Книг сочинил —
 целая
 полонница!
А я от проэктвов
 держусь едва:
Все куда-то
 бежать хочется,
 ерепениться!

И во всем этом
виновата Советская власть,
Раскудрявая
огневейными кольцами;
Такая вот
линия
у всех
повелась
ЧУВСТВОВАТЬ
СЕБЯ
КОМСОМОЛЬЦАМИ.

Да оно
ТАК
и выходит.
Например:
висят
и КРАСНЕЮТ ВСЕ
рыбиной рыже-бурой.
Другому перевалило
через пятьдесят,
А он
с увлечением
занимается
ФИЗКУЛЬТУРОЙ.

Или, например:
я не слышу отчества, —
„ВАСЕЙ“
все называют меня в груди.

Я вижу:
умирать
 никому
 не хочется, —
Всем
 интересно,
 что
 дальше
 будет!

Право же
 никогда
 так здорово не жили.
Знай
 загибаем
 СТРОИТЕЛЬСТВА
 балку.

Пожалуй,
 прибавить мне
 еще 40 лет ежели, —
Я и в 80
 устрою свалку.

Жить так жить!
 энергии, — сколько надо
Кому не хватает затей —
 ПРИШЬЕМ!
Жилы крепче
 пенькового каната.
Недаром я ношусь
 с охотничьим ружьем.

В день пробегаю
 десятки верст.
Собака моя
 устанет
 и ляжет,
 а я ничуть.
Ночь и ту не сплю,
 подкладывая хворост
В костер,
 сжигающий
 ночную жуть.

Спать не люблю!
 На черта сны слепые,
Которые лишь злят,
 Жизнь воруя зря:
Мне дороги
 Минуточки лихие,
Как сенокосный час
 для косаря.

К тому же — осень:
 Мне 43-й год,
А надо мной
 червонные
 рябины
 и осины.

Да здравствует
 охотничий поход
И запах
 мокрой псины.

ПИОНЕРСКИЙ МАРШ

Давай сигнал!
Тра-та-та-та!
Чтобы каждый пригнал.
Тра-та-та-та!

Эй, скорей
С нами гореть.
С нами —
Знамя!
Мы у дверей.
Пустите.
Слушайте.

Массы нас! Много!
Товарищи, в ногу.
Раз-два,
Раз-два.
Мы, пионеры —
Живые примеры
Всем,
Всем,
Всем.

Сознанием горды
Наши ряды.
Раз-два,
Раз-два.

Эй, молодежь,
Октябрь даешь!
Раз-два,
Раз-два.

Эй, молодежь,
С нами идешь?
Раз-два,
Раз-два.

Мы — юные разведчики
Коммуны мировой,
Мы — красные советчики
С прекрасной головой.

Каждый — кирпич,
Кирпич,
Кирпич.
Мы все — кирпичи,
Кирпичи.

Великий Ильич,
Ильич,
Ильич.
Нас жить научи,
Научи.

Будь готов!
Всегда готов!
Мы готовы сиять
Солнцачи.

Тра-та-та-та!

Нам трубят!

Зовут ребят

Пойти на выставку.

Сердца горят!

Становитесь в ряд,

Бросая мысль таку:

Эй, дети Мира!

С нами! В дорогу!

Будущего строй

Крепи!

Есть!

Массы нас! Много!

Товарищи, в ногу.

Шагай,

Пионерская честь!

ВЕСНА ДЕРЕВЕНСКАЯ

Солнце! Солнце!
Весна развеснилась.
Высоко облака -- соболя.

Снова нам
Урожайную милость
Обещают поля.

Реки вскрылись,
Полны половодьем,
Всем лугам насыщенье несут.
И над каждым
Крестьянским угодем
Разгорается зуд.

Так и хочется
Врезаться в землю
Иль с разбега в раздолье бирюзы.
Я стихийному голосу внемлю
Я иду
На весенний призыв.

Так и хочется
Взяться за дело
И отдать свои силы стране,
Где живется мне
Радостно, смело,
Где со всеми мой труд наравне.

Солнцем
Сердце мое растревожено:
Всюду вижу работы межи.
Нам ли ныне
Без дела возможно
Хоть минуту прожить.

Эй вы, кровью
Вспененные песни,
Научите шагать веселей,
Чтобы наши поэмы
Воскресли
В урожайности
Тучных полей.

Доля наша —
Отныне заветная:
Быть в сиянии — Ленина знать,
Вот отчего
Жизнь советная —
НЕОТЦВЕТАЕМАЯ ВЕСНА.

САД АПЕЛЬСИНОВЫЙ

(из „СТЕПАНА РАЗИНА“)

Сад твой зеленый,
Сад апельсиновый.
Полюбил персиянку за тишь.
Я — парень ядреный,
Дубовый, осиновый,
А вот тоскую — поди-ж...

Видно, Мейран мне
Чаруйным огнем
Пришлась по-нутру, —
С сердцем пьяным
Любовным вином
Встаю по утру
И пою:

Сад твой зеленый,
Сад апельсиновый,
И в этом саду я —
Туман
Хмельной да мудреный,
Дубовый, осиновый,
Сам не свой и зову:
Эй, Мейран!
Эх, Мейран!

Ну, Мейран :
Чуду приспело
Родиться недолго —
Струги легки и быстры.
Со славой — победой
Увезу я на Волгу
Зажигать удалые костры.

Времячко настало дивное
Дивные вершить дела.
Лейся песня переливная.
Закуси конь удела.

Эй, кудрявые,
На весла налегай.
Разом ухнем,
Духом бухнем,
Наворачивай на гай.

Драли, жали
бары долго
Крепостную голытьбу,
А теперь бунтует Волга
За сермяжную судьбу.

Ну, вставайте,
Подымайте паруса,
Собирайтесь в даль окружную,
Раздувайте звонким
ветром голоса, —
Зачинайте песню дружную.

Эй, за весла, братцы вольные,

Эй, соколики сокольные:

Держи май —

Разливье май

Сами жизнь мы делаем.

Пуще, пуще,

Нажимай,

Нажимай на левую.

А вот чивай, да вот чивай

Да чаще брагой потчивай.

А там, на зыбкой стрежени,

Где стонет песня горская,

Тоскуют две судьбы — жены

Донская да заморская.

Ой, Мейранушка,

Ой, Аленушка, —

В сердце ранушка

У детенышка...

Ну, раз еще:

Сарынь на кичку!

Я выпью ковш своей круговой.

За атаманскую привычку

На плаху лягу головой.

А пока наша доля сермяжная
Разобижена палачами,
Берегись ты, отродие княжное,
Обожравшее нас калачами.

Времячко припело спелое:
Выросла в лугах трава.
Размахнись ты, удаль смелая,
Отчаянная голова!

1912

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

